

Сергей Прокопьев
ЖУРАВЛИ АФГАНА

16+

Сергей Прокопьев
Журавли Афгана

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Прокопьев С. Н.

Журавли Афгана / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Писатель Сергей Прокопьев снова возвращается к войне в Афганистане. «90-й псалом», «Афганский синодик», а теперь и «Журавли Афгана» – вот его книги на эту тему. Герои книг – воины-афганцы, их жёны, матери. Война обжигает сердца всех. Повествование рассказа «Один из шести» строится на драматической ситуации: сельчане получают информацию – из Афганистана идёт в село гроб, но кто в нём – пока неизвестно. Шесть матерей, столько парней-одноклассников на войне, три дня находятся в неведении. В рассказе «Школьное сочинение на афганскую тему» дочь ветерана-афганца пишет сочинение, понуждая отца вспоминать о своей войне. Герой рассказа «Песни Афгана» автор песен о войне. Офицер спецназа ходит на боевые операции, лечится в госпиталях и сочиняет песни под гитару. О Великой Отечественной войне профессиональными композиторами, поэтами написано много прекрасных песен. И крайне мало – об Афганской. Однако целый пласт песен создан воинами-афганцами. И это тоже история войны.

© Прокопьев С. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Песни Афгана	5
Журавли	5
Асадабад	10
Уходим	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Прокопьев Журавли Афгана

Песни Афгана

Журавли

Эта была войсковая операция «Магистраль», проводилась с целью прорыва многолетней военной и экономической блокады округа Хост. Моджахеды планировала отторжение провинции от Афганистана, создание на её территории исламского государства. Операция велась в период с 23 ноября 1987-го по 10 января 1988 года на широком фронте в зоне афгано-пакистанской границы с привлечением значительных сил и средств. В результате операции было деблокировано и взято под контроль советских войск стратегически важное шоссе Хост–Гардез, сорваны планы верхушки моджахедов по созданию исламского государства.

Участвовал в операции и 334-й отдельный отряд спецназа ГРУ, базировавшийся в Асадабаде. лейтенант Игорь Чулкин, заместитель командира роты по вооружению 334-го, ехал на БТР. В ту ночь они проводили, протокольно говоря, поисково-засадные действия, вторую их часть – засадную. Одну группу бойцов забирали, другую оставляли в безлюдном месте, та уходила в горы на охоту за караванами, идущими из Пакистана с оружием, наркотиками, случалось – с мешками денег на продолжение войны.

Двигались колонной из четырех машин – два БТР и два БМП. Духи сработали чётко – подорвали первую и четвёртую, но в бой не вступили. По логике за этим должны были ударить из всех стволов. Однако после взрывов не зачастили пулемёты, не поднялись из укрытий гранатомётчики, ни одного выстрела не сделали духи по замершей колонне. Ночь ли им помешала или что...

Чулкин сидел с правой стороны на ресничке (бронированная пластина, в походном положении поднята, в боевом опускается и закрывает от пуль и осколков окно обзора). Из чёрного неба сыпал редкий снежок, металл реснички тянул из тела тепло. Игорь попросил механика-водителя что-нибудь подстелить под себя, тот подал ватную солдатскую подушку. Игорь положил на ресничку, поёрзал задницей, усаживаясь поудобнее, и не успел бросить водителю: «Другой коленкор», – как раздался взрыв.

Они пересекали сухое русло, шириной метров десять, в него духи заложили фугас. Возможно – управляемый. Засели поблизости в ожидании своего часа. Взрыв был такой силы, что колесо БТР разлетелось вдребезги, его бортовой редуктор пробил броню – верхняя бронированная плита разошлась по сварочному шву. Замыкающий колонну БМП тоже подорвался на фугасе. И у него броня разошлась по сварочному шву, как консервная банка.

Механик-водитель, подавший Игорю подушку, остался без глаз. Командир третьей роты старший лейтенант Юрий Боровских отделался контузией – он сидел на башне БТР.

Взрыв ударил в правое колесо, Игоря швырнул вверх, он по крутой наклонной траектории взмыл над машиной и упал под колёса. БТР, потеряв управление, двигался по инерции. На счастье Игоря, почва сухого русла была мягкой, колесо наехало на скрещённые крест-накрест голени, вдавило их в землю. БТР всеми колесами проехался по конечностям. Будь дорога каменной, раскрошило бы кости вдребезги.

Ничего этого Игорь не помнил. Ни полёта, ни падения – ничего. Очнулся, в госпитале. Первая мысль: что с глазами? Будто матовое стекло поднесли к лицу, сквозь его муть видел

окно, стены, соседнюю кровать. Пришёл врач с медсестрой, медсестра держала в руках историю болезни, начала читать, он услышал: «Олег, не женат».

– Кто этот Олег? – спросил Игорь.

– Как это «кто»? – удивился врач. – Вы! С ваших слов записано.

– Вот бы Наталья услышала, – сказал Олег, – у меня дочери пять лет. Я – Игорь, женатый при том.

Память восстанавливалась с трудом. Игорь обнаружил: из головы вылетела часть недавно написанной песни «Журавли Афгана». Много раз исполнял её. Песня нравилась ротному, Юра Боровских часто просил, когда удавалось посидеть тесным кругом:

– Игорь, давай «Журавлей!»

Не подпевал, хотя сам хорошо пел, слушал молча, наклонив голову.

В госпитале Игорь без напряжения вспомнил первый куплет.

Журавли в синем небе над горами летят¹,
В небо смотрят солдаты и, прощаясь, молчат,
С журавлями любимым отправляют привет,
Чтобы милые знали только мирный рассвет.

На втором куплете запнулся, раз и другой повторял первый, дабы разогнаться, заставить память по инерции воскресить стёршиеся слова, достать из глубин памяти, зацепиться за них и пойти дальше, но вновь и вновь останавливался, стоило дойти до второго куплета. Не хотел он воскрешать. Даже не мог вспомнить, о чём говорилось в нём.

В Хайратон, где располагалась база армии, Игоря командировали из Асадабада на списание техники. Война всё спишет – не про афганскую. За каждую утраченную ротой единицу техники он, заместитель командира роты по вооружению, писал подробную объяснительную. В тот раз он отчитывался за всех, 334-й потерял за отчётный период пять БМП, четыре БТР.

В Хайратон Чуклин прибыл во второй половине дня, определился с местом в казарме, а после ужина пошёл смотреть фильм. Тёплый вечер, кинозал под открытым небом, перед экраном собралось человек сто солдат и офицеров. Закатное солнце ушло за горы, откуда прощально освещало небо, а над землёй по южному быстро сгущались сумерки. Игорь, чтобы не топтаться по ногам на тот случай, если фильм не понравится, сел с краю. На экран упал свет кинопректора, побежали титры...

Прошло минут десять, и вдруг мальчишка-солдат, сидевший рядом, резко задрал голову, Игорь невольно повторил движение, да и все сто человек забыли о фильме – в вышине, куда ещё дотягивались последние лучи вечернего солнца, курлыкая, летели журавли... Летели домой, летели в Россию, она была совсем рядом: короткие километры и государственная граница, а за ней Чирчик, где нет боёв, нет душманов, нет смерти, – ты дома. В Чирчике находилась учебка спецназа, большинство солдат, служивших с Игорем в Асадабаде, прошли её.

Кинемеханик почувствовал состояние зала, остановил киноаппарат. Птицы – большие, сильные, вольные – шли в небесной дали красивым клином. Летели они в Сибирь или в Забайкалье, может, на Урал... Игорь краем глаза увидел слезу на щеке солдата-мальчишки. У него самого запершило в горле. Солдат поспешно провёл рукой по лицу, убирая горькую влагу...

Тишина повисла над военной частью, лишь крик птиц в вышине нарушал её... Громкий, пронзительный, достающий до сердца... Кому посылали курлыканье журавли? Прощались с солдатами, остающимися на войне, или предупреждали о скором своём прилёте тех, кто на Родине ждал вестников весны?

---

¹ Песня Олега Чукина

Клин превратился в точку, наконец и она растворилась в небе... Киномеханик выждал паузу, затем включил аппарат, ожило экранное действие... А в ушах ещё стоял тревожный журавлиный крик...

Начальные строчки песни написались легко, по пути из Хайратона в Асадабад.

Журавли в синем небе над горами летят,
В небо смотрят солдаты и, прощаясь, молчат,
С журавлями любимым отправляют привет,
Чтобы милые знали только мирный рассвет.

Сразу легла на эти слова мелодия и, казалось, песня напишется на одном дыхании. Но второй куплет не получался. И так и сяк крутил его. Уже и третий записал, а этот не давался.

И в госпитале долго не мог восстановить второй. Память отказывалась слушаться, подсовывала не то. Наконец, зацепил первую строчку. Днём между процедурами забылся, а вынырнув из сна, обнаружил в голове:

Белый клин улетает в край российский родной...

И застопорился. Точно так было со вторым куплетом, когда писал песню: слова ускользали, не ложились нужным порядком. И после ранения не давались...

Белый клин улетает в край российский родной...
Там птенцам будет счастье, светлый мир и покой.

В палату привезли парня, без ноги. Занял соседнюю койку. Разговорились, Саня Зайцев оказался земляком из-под Омска. Воевал в 56-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригаде, стояла в Гардезе.

– Как я не хотел идти на ту операцию, – рассказывал Саня. – Никогда такого не было. Не верил, когда говорили о каких-то предчувствиях. Какие предчувствия, считал, болтовня всё это. За год у меня столько боевых выходов было, здесь – не хочу. Мы шли в боевом охранении. Шестнадцать человек, шаг в шаг. С учебки в Фергане к этому приучены. А там лягушка стояла. Сам знаешь, могут пятьдесят человек пройти по ней, а на пятьдесят первом рванёт. Не знаю, каким был по счёту... В середине шёл, не один человек до меня наступил... Сразу и не понял, в первое мгновение боли не почувствовал, а култышка в ботинке отлетела...

– А у меня чуйка в день подрыва на фугасе ничего не подсказала, – сказал Игорь. – Об операции заранее знал. Ехал как обычно. И вот лежу здесь. А мог бы, запросто, в цинке оказаться.

– Обидно, – Саня никак не мог примириться со случившимся, снова и снова терзал себя, могло ведь быть иначе, – шагни чуть в сторону, ничего бы не случилось...

– Должен радоваться, что так, – пытался отвлечь разведчика от тяжёлых мыслей Игорь. – У нас был случай. Идём колонной, впереди сапёры. Один с минно-розыскной собакой. Она садится. Но села не до мины, как должна, а после. Сапёр делает шаг к собаке, поднимает руку, поворачиваясь к нам, предупреждая тем самым: колонна, стой, внимание – мина. Сам наступает на неё. А там не лягушку заложили. Госпиталь был не нужен.

– Ты, знаешь, – признавался Саня, – хотел с медалью прийти домой. Пусть не с орденом, хотя бы с медалью. На войне был не при кухне, воевал честно. А вернусь без ноги. Обидно.

– А у меня память после контузии клинит, песню не могу вспомнить.

– Какую? – встрепнулся Саня. – Может, я знаю. Я много песен помню.

– Свою песню забыл.

- Ты песни пишешь? – Саня приподнялся на кровати.
- Есть несколько.
- Про Афган?
- Ну-да!
- Ух ты! – Саня восторженно посмотрел на Игоря. – А я на гитаре немного играю. Спой, а Игорь без запинки спел первый куплет, начал второй, у него получилось:

Белый клин улетает в край российский, родной,
Там птенцам будет счастье, светлый мир и покой.
Чтоб птенцы их не знали, что такое война.

- Нет! – остановился Игорь. – Не так было. Птенцы второй раз. Повторы – не есть хорошо!
- Да не придирайся ты! – сказал Саня. – Здровская песня!
- Нет, я должен правильно вспомнить...

В школе Антонина Васильевна, учитель литературы, часто указывала на повторы слов в его сочинениях. Хвалила, хорошо раскрывал тему, а стиль грешил неряшливостью. «Со словом надо бережно обращаться, – учила, – не абы как».

Наконец, восстановил второй куплет. Так ли было в оригинале или нет, не мог сказать, но вроде бы складно.

Белый клин улетает в край российский, родной,
Там птенцам будет счастье, светлый мир и покой.
Чтоб их дети не знали, что такое война,
Как сердца наполняет страшной болью она.

Пред глазами встала картина пролёта журавлей над Хайратоном. Солдат, вытирающий слезу. Не у него одного повлажнели глаза в тот вечер...

Может кто-то из нас с клином так полетит,
Навсегда свои души в белых птиц поселит,
Как нам хочется мира и дороги домой,
А пока мы сидим, обжигаясь войной.
Как нам хочется мира и дороги домой,
А пока мы сидим, обжигаясь войной.

Третий куплет написал почти сразу, и в госпитале вспомнил без напряжения. Спел Саня. И всё же второй куплет Игорю не совсем нравился, казалось, требует доработки. Саня успокаивал:

– Брось ты маяться ерундой. Всё отлично! Как хорошо, что мы с тобой в одну палату попали.

- Как бы снова не забыть.
- Я железно не забуду, – уверенно сказал Саня. – Запоминаю с двух раз.
- Ты это ты, а у меня память косячит после контузии.
- Сейчас задокументируем! – весело произнёс Саня.

Он попросил у медсестры листок бумаги и ручку, записал «Журавлей» и вручил Игорю:
– Держи!

Десять дней они лежали в одной палате. Саня выучил весь афганский репертуар Игоря. Сам знал всего Владимира Высоцкого, много песен Александра Розенбаума, об Афганской

войне – все. У Сани был отличный слух, приятный баритон. Они завели правило петь перед сном. Старались негромко, но однажды наехала медсестра.

– Мужики, вы чё сдурели – пить в госпитале! – прогремела с порога.

– Да трезвые мы, как тузики! – возмутился Игорь.

– А чё горланите?

– У нас, тётя, – назидательно сказал Саня, – хорошее настроение!

– Какая я вам тётя? – возмутилась медсестра. Ей было чуть за тридцать, но габаритами – тётя.

– А мы какие тебе мужики! – сказал Саня. – Мы – гвардейцы!

– Ладно, гвардейцы, – сбавила тон медсестра, – потише, у нас сегодня больно сердитый врач дежурит. Разорётся ещё.

В середине девяностых Омское общество воинов-афганцев организовало концерт афганской песни. Более двух часов исполняли свои песни воины-афганцы – омичи, иногородние авторы. Концертный зал Омской филармонии вмещавший тогда, до реставрации, за тысячу зрителей, был забит до отказа. На девяносто процентов заполнен теми, кто прошёл Афган. Многие в военной форме. Десантники, танкисты, пограничники, лётчики. Для них концерт стал грандиозным мероприятием. После распада Советского Союза тему афганцев старались отодвинуть подальше, афганцы были неудобны новой власти, к их объединениям относились с опаской. Подобного масштаба концерт состоялся в первый и последний раз в городе. Зал зачастую подпевал, или даже пел вместе с исполнителями. В едином порыве встал, когда объявили минуту молчания в память погибших.

За полчаса до концерта Игоря за кулисами нашёл Саня Зайцев. Они ни разу не виделись после госпиталя в Гардесе.

Обнялись.

– Молодец, что пришёл! – сжал Санину руку Игорь.

– Ты тогда меня здорово поддержал! Спасибо! «Журавли Афгана» будешь петь?

– Собираюсь!

– Спой, обязательно спой! Классная песня! Я её часто пою.

– А давай вдвоём! – неожиданно для себя предложил Игорь.

Они уединились в дальнем углу и устроили репетицию.

– Отлично! – сказал Игорь. – Никуда не уходи, я сейчас организатору доложу. «Журавлей» дуэтом споём.

– А вдруг не разрешит?

– Как это «не разрешит»? – сказал Игорь. – Куда он денется!

Игорь был в форме капитана, он ещё служил, Саня – в костюме-двойке. Примерно одного роста, крепкие парни они не без волнения шагнули из-за кулис на большую, ярко освещённую сцену и пошли к микрофону. Оба хромали. Правая нога Игоря постоянно давала о себе знать, большей частью было терпимо, но периодами, начинала ныть, болью отдаваясь при ходьбе.

– Доковыляли, – весело в микрофон сказал Игорь. Зал в ответ разразился аплодисментами.

– «Журавли Афгана», – объявил Игорь, и они запели:

Журавли в синем небе над горами летят,

В небо смотрят солдаты и, прощаясь, молчат...

Асадабад

С Петей Бойко Игорь Чуклин столкнулся в Тюмени на вокзале. Игорь возвращался в Омск из Тобольска, гостил у родственников, а Петя ехал на вахту в Сургут. Игорь не узнал однополчанина, тот раза в полтора увеличился, хотя толстым не выглядел, живот не торчал, равномерно расширился во все стороны. Этаким шкаф.

Игорь сидел в вокзальном кресле, вдруг над головой рявкнуло:

– Чук! Здорово!

Игорь поднял голову, Петя нависал над ним с протянутой для рукопожатия рукой.

– Боёк! – поднялся с кресла Игорь. – Ну, ты размордел!

– Пока толстый сохнет, тонкий сдохнет! – захохотал Петя. – А я смотрю: Чук или нет. Ты такой же тонкий, гонкий и жилистый как в Афгане!

– Да уж не такой! Тоже килограммов десять прибавил. А зря – нога донимает. Ранение даром не прошло.

– Долбануло тебя тогда... Честно говоря, думал всё, во всяком случае, останешься без ног – шутка ли БТР проехал! А ты обратно вернулся!

Они стояли друг перед другом, оба наполовину седые, постаревшие – тридцать лет миновало. Им доставляло удовольствие называть себя именами, которыми после Афгана никто их не называл. Они как бы возвращались в те времена, едва не самые лучшие в жизни.

– Слушай, Чук, я тут откопал запись концерта афганцев, что у вас в Омске состоялся. Ты тоже там.

– Было такое. Давно. У меня, кстати, нет той записи.

– Давай свою электронку – пришлю. Ты там «Асадабад» поёшь, добрая песня. «Уходим» – тоже класс. Её после выхода написал?

– Да, в Чирчике, ты-то за три месяца до этого сменился. «Асадабад» написал ещё позже.

– Ты молоток, Чук! Жаль, «Асадабад» плохо записался. Про наш отряд ведь. Первый куплет и половина второго есть, а дальше слов не разобрать. Так жалко.

На концерте афганской песни, после того как они спели с Саней Зайцевым «Журавли Афгана», Саня пошёл со сцены в зал, Игорь представил его:

– Александр Зайцев, Гардез, 56-я отдельная гвардейская ДШБ.

А потом представился сам:

– Игорь Чуклин, Асадабад, 334-й особый отряд спецназа ГРУ.

И ударил по струнам:

Подступают к пятам горы серой стеной²,

И Кунар омывает здесь серой волной

Город Асадабад и пятак, где стоит

Легендарный наш бат и где солнце в зенит.

Игорь Чуклин в 1985 году окончил Омского высшее танковое командное ордена Красной Звезды училище и поехал служить в Забайкальский военный округ, а через полтора года был отправлен в Афганистан. Сначала в Кабул, откуда его направили в 334-й отдельный отряд спецназа ГРУ. Отряд сформировали на рубеже 1984–1985 годов в Белоруссии, в городке с поэтическим названием Марьяна Горка. Вскоре его перебросили в Асадабад, административный центр провинции Кунар. Небольшой по величине город Асадабад был расположенный всего в пятнадцати километрах от Афгано-Пакистанской границы. По легенде прикрытия (спецназа,

---

² Песня Олега Чукина

якобы, не было в Афгане) 334-й именовался как 5-й отдельный мотострелковый батальон. В то время в бандформированиях, действовавших в провинции Кунар, по данным советских советников, работавших в Асадабаде, насчитывалось порядка семи тысяч бойцов. Не только спецназ противостоял им, но спецназ, это показало время, дал самый существенный результат в борьбе с моджахедами.

На пятый год войны в Афганистане, в 1984-м, высшее советское командование пришло к выводу: надо менять тактику боевых действий, работать на опережение. Перекрывать пути поставки оружия и уничтожать караваны с ним, идущие из Пакистана, не где-то, а сразу в приграничных районах. В Пакистане в многочисленных лагерях подготовки обучались сотни и сотни новых душманов, пополняющих бандформирования. Их тоже следовало уничтожать как можно ближе к границе, чтобы не просачивались вглубь страны. За годы войны моджахеда создали немало баз, укрепрайонов, складов с оружием и боеприпасами в провинциях Кунар и Нангархар. В Желалабаде, административном центре провинции Нангархар, разместился ещё один отряд спецназа ГРУ – 154-й.

Перед спецназом стояла задача в короткое время перехватить инициативу у противника, сделать так, чтобы душманская жизнь мёдом не казалась. Для этих задач нужны были настоящие волкодавы, разведчики экстра класса – рэксы. С приходом 334-го отряда в Асадабад, 154-го в Желалабад, земля стала гореть под ногами бойцов полевого командира Ахмад Шаха Масуда, который орудовал в этих краях. Спецназовцы работали по всем направлениям. Самой собой – уничтожение караванов, живой силы, баз, укрепрайонов моджахедов, а ещё работа по захвату в плен главарей крупных банд. Специальная группа занималась этим. Частенько спецназ уходил на работу по темноте, совершая ночью дерзкие вылазки. Много чего героического натворил 334-й отряд. На один из юбилеев вывода войск Советской Армии из Афганистана Ахмад Шах Масуд прислал спецназовцам в подарок коробку шляп пуштунок. И посетовал, дескать, шурави настоящие воины, достойный противник, не то, что американцы. Да и советские командиры высказывались о 334-м отряде, как об одной из наиболее мобильных и боеспособных единиц Советской Армии в Афгане.

В таком отряде воевал Игорь.

Он прибыл в 334-й в 1987 году, в феврале, был тридцать вторым офицером отряда за время его существования. Кто-то выбывал по ранению, другие, отбив своё, менялись, третьи погибали. На должности зам командира роты по вооружению Игорь заменил однокурсника по военному училищу Андрея Трутнева. С тяжёлым ранением тот был отправлен в Советский Союз.

Про ранение Андрея ходили анекдоты. Из серии: и смех, и грех. Спасая офицера во время боя, подчинённый едва не задушил командира. Группа попала в серьёзный переплёт неподалёку от местечка Суруби. В бою Трутнев получил осколочное ранение в висок. Кровь хлещет, бой в разгаре. Сержант-сапёр мгновенно оценил ситуацию – надо срочно накладывать жгут офицеру, остановить обильное кровотечение. И остановил. Ему бы с обратной стороны от раны что-нибудь твёрдое под жгут положить, он напрямую набросил на шею и затянул. Подрастерялся: кровь из головы фонтаном, бросился унимать фонтан. Артерия, известное дело, параллельно горлу проходит, а жгут не избирательно работает. И артерию надёжно передал, и горло. К тому же сапёр парень не из хлипких, ручищи, как лопаты, чуть поднапрягся и унял фонтан крови вместе с доступом воздуха...

Игорь после Афгана встретил Андрея и давай расспрашивать. Из первых уст хотел услышать историю, ставшую весёлой легендой отряда. Андрею в госпитале пластину поставили на месте отверстия в височной кости.

– А чё рассказывать? Ещё бы маленько и полный капец! – засмеялся Андрей. – Чувствую, улетаю! После взрыва обожгло, кровяца пошла. Генка Петров первым подскочил, засуетился. Слышу: «Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, потерпите, сейчас жгут наложим». А сам

душить начал. Ну, натурально, перекрыл кислород. Я готов был грудь свою разорвать, до того глотнуть воздуха захотелось перед смертью! Силюсь, а никак. Сознание уходит, я в полуобморочном состоянии схватил обеими руками жгут, оттянул и так хорошо – дышу... Генка потом оправдывался: «Вы так напугали, боялся, вся кровь уйдёт, ну и затынул». Короче, умер бы не от потери крови, а от кислородного голодания!

Подобные ситуации, когда и смех, и грех, бывали не раз.

Душманы всячески старались насолить спецназовцам. Устраивали засады, заманивали в ловушки. Старались держать под неусыпным контролем все перемещения шурави. На какие только ухищрения не приходилось идти бойцам, чтобы незаметно покинуть свой лагерь, отправляясь на операцию. За каждым кустом мог сидеть соглядатай, который с большим удовольствием (информация оплачивалась) доложит духам о маневрах русских. Встретит группа, идущая на задание, сопливого мальчонку, мирного старика-пастуха с баранами, дехканина с мотыгой в поле, будь уверен на девяносто девять процентов, информация о твоём передвижении уйдёт по назначению. Поэтому на задания уходили ночью, чтобы ни одна душа из местных не видела группу. С рассветом залегали в горах, прятались, чтобы ночью продолжить маршрут до нужного района. Банд хватало в округе, но штурмовать гарнизон спецназа в Асадабаде духи не решались. Но и в покое не оставляли. Досаждали артобстрелами. Били от границы с Пакистаном, били с ближайших гор. Поднимали на ишаках реактивные установки – двенадцатиствольные, шести- и трёхствольные. Посылали наводчиков с рацией, те корректировали стрельбу.

Один раз за сутки положили на лагерь, он располагался на берегу реки Кунар, едва не тысячу реактивных снарядов и тяжёлых мин. Миномёты у моджахедов были 88-миллиметровые и 120-миллиметровые. Никто, конечно, не загибал пальцы: один снаряд разорвался, второй... тысячный. Говорили даже о полутора тысячах снарядов, упавших на городок. У статистики, как известно, глаза велики. Как бы там ни было: тысяча или полторы, а досталось отряду изрядно. Были и двухсотые, и трёхсотые. Раненных вывозили на танке под обстрелом. Подлетит Т-72 к бойцу, загрузят и скорее в мёртвую зону оказывать помощь.

Досталось казармам отряда. Строили их спецназовцы из саманного кирпича. Старшина третьей роты после обстрела упал от отчаяния на колени у развалин своей казармы и заплакал. Его казарму уничтожили в пыль. Если другие менее пострадали, его до основания. До слёз было жалко положенных трудов. Сами глину месили, кирпичи делали... Старшина с головой ушёл в эту работу. За годы Афгана истосковался по мирному делу. Когда-то вот также всей деревней строили саманные дома. На глазах вырастали стены, поднималась крыша. Там, где утром была ровная площадка, вечером стоял дом. А как слаженно, радостно, весело работалось в такой артели! И в Асадабаде его бойцы на раз поставили казарму. Это тебе не палатка. И вот дуб, мочало – начинай всё сначала.

– Ну, сволочи! – вытирал слёзы старшина. – Мочить их надо и мочить!

Слава Богу, подобной интенсивности артобстрел, когда тысяча снарядов прилетело, единственный раз был, о нём даже «Красная звезда» написала. А сколько рядовых, которые не заинтересовали центральную прессу, случилось за три года пребывания отряда в Асадабаде. Собственно, и пару десятков умело выпущенных снарядов может дел натворить. Один обстрел Игорь навсегда запомнил комичной картиной. Накануне ночью Игорь и Петя Бойко ходили с группой на операцию – охотиться за караваном. Караван был небольшой: шесть верблюдов с наркотой и товаром для местных торговцев. Возможно, его послали для проверки маршрута. Пройдёт беспрепятственно, следом отправят оружие. Те же ПЗРК «Зингер». Моджахеды, наученные горьким опытом разгромленных спецназом караванов, шли на всякие уловки. Большой караван с оружием, идущий из Пакистана, у границы разбивали на несколько маленьких – даже если «забьют» какую-то часть из них, другие, глядишь, и проскочат.

Группа вернулись под утро в гарнизон. Игорь, проспав часа четыре, вышел из казармы и увидел замполита части: капитан Карпов стоял с развёрнутой газетой и что-то там читал, к нему сбоку пристроился старший лейтенант Петя Бойко, тоже с интересом заглядывал в газету. Петя был одет по-домашнему – тельняшка, шлёпки на босу ногу. Глядя на читающую парочку, Игорь тоже заинтересовался, что там интересного свежая пресса опубликовала, может, про их отряд? Игорь с другой стороны от замполита наклонился к газете. Вдруг свист, взрыв. Реактивный снаряд упал в метрах ста от них. Дымовой – духи пристреливались.

– Саша, – обратился Игорь к замполиту, – похоже, обстрел.

– Похоже, – поднял голову от текста капитан, удивившись при этом: – А Боёк где?

На месте, где только что Петя увлечённо читал газету, стояли одни шлёпки. Хозяин молнией сквозанул в убежище, что находилось метрах в пятидесяти от газеты – за казармой.

– А шо, – говорил после обстрела в своё оправдание Петя, – я свист услышал, жопу в горсть и скачками. Мне шо, по-вашему, газету читать? Дураков, как у нас на Украине говорят, нема!

В тот раз духи выпустили три дымовых снаряда, затем начали бить боевыми. К тому времени Петя уже был в бомбоубежище.

С Петей был ещё один эпизод, который Игорь вспоминал, когда дело доходило до темы «и смех, и грех».

Стояла задача уничтожить склад в районе Маравар. Поступили агентурные данные о его расположении, после проверки информации было решено ударить днём. Моджахеды хранили в своих складах автоматы, крупнокалиберные пулеметы, гранатомёты, горные зенитки, могли быть горные безоткатные пушки, 88- и 120-мм минометы, ПЗРК, реактивные снаряды «земля-земля», мины. Чем быстрее всё это уничтожишь, тем меньше погибнет наших солдат.

Пошли уменьшенной ротой. Склад духи организовали в пещере. Замаскированный небольшой вход, единственное транспортное средство, которое проходило – ишак. На нём доставлялись внутрь снаряды, мины и всё остальное. Или на руках заносили. Вход узенький, а пещера хоть спортзал делай и полна-полнёшенка. Таких складов было немало в провинции. Часть оружия, доставляемого караванами из Пакистана, предназначалась для местных банд, другая ждала в подобных перевалочных пунктах своего часа, чтобы уйти с другими караванами вглубь Афгана. Охранение склада было относительно небольшое, духов подвела самоуверенность, считали: шурави ни за что не найдут схрон. Спецназ ударил неожиданно, оперативно ликвидировал охрану, освободил проход. Склад был забит реактивными снарядами, 120-миллиметровыми минами американского производства, имелись в большом количестве итальянские противотанковые пластиковые мины, цинки с патронами. Шурави не заинтересовались этими трофеями. Для отчёта взяли образцы мин, снарядов, РС, прикинули их количество в складе, а дальше подняли его на воздух. Не совсем так, чтобы он вместе с горой взлетел. Но получилось громко. Заложили взрывчатку, задействовали. А так как внутри пещеры было чему поддержать фейерверк, хорошо погрохотало. Далеко было слышно.

– Делаем ноги! – сказал командир группы, ротный Ваня Диканов. – Как бы духи не всполошились.

Они всполошились.

Группа вернулись в полевой лагерь, стояли в нём вторую неделю, располагался километрах в ста от Асадабада. Только и успели заехать на территорию лагеря, как ожила дежурная радиостанция в БТР: бойцы тылового походного охранения ведут бой. В охранении группы шёл танк Т-72, БТР и БМП. БТР не простой, а с шайтан-машиной. Игорь сам участвовал в создании этого монстра. У вертолётчиков выпросили НУРС, поставили на треногу и спарили с пулеметом БТР. Пулемётчик электропуском управлял стрельбой. Грозная получилась машина. Истинно – шайтан. Духи, заслышав в горах вертолётный шум, не знали – куда деваться, а тут и грохота винтов не надо, как начнёт НУРС с БТР долбить ракетами.

Духи пропустили основную группу, идущую после подрыва склада в лагерь, а ударили по тыловому охранению в крайне опасном участке дороги. Крутой склон, местами скалы нависали над самой дорогой, с другой стороны от дорожного полотна обрыв. Духи заняли верхние точки и жажнули по охранению.

Ротный был человеком решительным, резким, скомандовал:

– Вперёд!

Два БТР с бойцами на броне полетели из лагеря на помощь.

Когда подскочили, бой был в разгаре: под скалой лежало пять бойцов – раненые, убитые. За умолкшим пулемётом ПКМ распластался по пояс голый спецназовец. Игорь выхватил взглядом пустую пулемётную ленту, всего четыре патрона осталось. Их боец выпустить не успел, пуля попала в голову. И тут же Игорь увидел боковым зрением духа-гранатомётчика. Было ощущение, он сделал выстрел в прыжке. На уровне второго-третьего этажа сидел на скале за камнем, подпрыгнул из укрытия и практически в упор саданул из «граника» в БТР с шайтан-машиной. Оттуда выскочил механик-водитель, правая нога на сухожилии висит, в груди жуткая дыра, развернулся, сделал несколько прыжков на одной ноге и упал. БТР вспыхнул факелом, начал взрываться боезапас, неуправляемая машина, продолжая движение, ушла в пропасть...

Бэтэры Игоря и ротного ударили по духам из пулемётов. Танк посылал снаряд за снарядом, но духи исхитрились подбить его, к счастью, не так метко, как БТР с шайтан-машиной, – перебили гусеницу. Увидев это, Игорь спрыгнул с БТР, ринулся помогать танкистам возвращать машину к активной жизни. Пробежал несколько метров, но плотность огня была такой, что, подбежав к БМП, залёг под машину и начал стрелять из автомата.

У ротного капитана Диканова было несколько градаций интенсивности боя. Если так себе, говорил: «На раз помочиться». Бой суматошный, неожиданный, когда приходилось на ходу принимать решения, характеризировал: «Голова, жопа, ноги». Бой в день подрыва склада относился к коктейлю из верхних и нижних конечностей и пятой точки.

Игорь, лёжа под БМП, посылал очередь за очередью в сторону духов, ожидая момента, когда можно будет сделать бросок к танку. И тут под БМП нырнул Петя Бойко. Упал рядом и требовательно спросил:

– Где моя группа?

Петя был в тыловом охранении, в бою растерял своих бойцов.

– Петя, откуда я знаю? – бросил Игорь, меняя рожок автомата. – Ты видишь, что творится!

В это время к раненым и убитым, что лежали под скалой, подскочила бээмпэшка, примчавшаяся из лагеря.

Петя среагировал мгновенно. Потом хохотали, вспоминая тот эпизод. У БМП клиренс сантиметров сорок, но Петя резко руку по школьному задрал, будто просился к доске, и выпалил скороговоркой:

– Чур, я эвакуирую убитых и раненых!

Игорь глазом не успел моргнуть, Петя уже помогал двухсотых и трёхсотых грузить во чрево подскочившего БМП, потом нырнул туда сам.

– Больше Бойка в том бою не видел, – рассказывал Игорь. – Слиял!

– А шо! Ничего не слинял! – не соглашался с такой трактовкой своих маневров Петя. – Я зараз всех убитых, раненых вывез! Все бы так линияли!

За ту операцию с подрывом склада Игоря наградили орденом «За Службу Родине в Вооруженных Силах СССР». Награду получил из рук генерала армии, начальника Группы управления Министерства обороны СССР в Афганистане Владимира Варенникова. Генерал достал нож десантника образца 1943 года, проткнул дырку в гимнастёрке старшего лейтенанта (к тому времени Чуклин уже был страшим лейтенантом) и прикрутил. А потом пожал руку.

Генерал, прошедший Великую Отечественную, был не только богатырского вида, но и силушку имел, осязаемое было рукопожатие.

На вокзале в Тюмени Игорь спросил:

– Петя, а ты помнишь, как под БМП руку тянул: «Чур, я эвакуирую раненых»?

– Ничего я не тянул! – засмеялся Петя. – Ты, Чук, всегда был мастер заливать. Фантазия богатая, не зря песни пишешь!

– Тебя, Боёк, голыми руками не возьмёшь. Ужом вывернешься.

– Да ладно ты. Слушай, у тебя есть время? Не в службу, а в дружбу напиши слова «Асадабада».

– Давай я тебе эсэмэской пришлю, сяду в поезд.

– Не-не-не. Не надо откладывать на завтра, что можно выпить сегодня. По дороге сотовой связи может не быть, потом забудешь...

Петя достал из кармана блокнот, ручку.

– Садись, пиши. А я в долгу не останусь.

Сам сел рядом, заполнив собой всё кресло.

– Не сломаешь? – хохотнул Игорь.

– Не журишь, братан!

Игорь начал писать...

Подступают к пятам горы серой стеной,
И Кунар омывает здесь серой волной
Город Асадабад и пятак, где стоит
Легендарный наш бат и где солнце в зенит.

Служба здесь нелегка, но присяге верны,
По ночам в горы ходим, а днём видим сны:
Жён, детей, матерей дорогие глаза,
И конечно, друзей тех, кто ждёт нас назад.

Никогда не забудем тех мест, где прошли
Митерлам, Маравары, Альшанг, Суруби.
Где друзья, закрывая нас грудью своей,
Навсегда превращались в белых птиц журавлей!

Петя взял блокнот с песней, сунул в карман, потом запустил свою ручищу в безразмерную сумку и подал Игорю что-то в непрозрачном пакете. Увесистое и плотное.

– Сало! – расплылся в улыбке Петя. – Сам солил!

И снова нырнул в сумку, на этот раз вытащил круглый продолговатый предмет.

– Горилка!

– Сам гнал?

– А як же!

– Петя, не могу отказаться от такой взятки! – мотнул головой Игорь.

– Яка взятка? – довольный реакцией однополчанина сказал Петя. – Гонорар за песню!

Он по-хохляцки с придыханием произнёс «г». Повторил для убедительности:

– Гонорар!

Объявили прибытие поезда Игоря, они обнялись.

– Обязательно пришлю запись концерта, – сказал Петя в спину удаляющегося Игоря.

Заметно прихрамывая, Игорь пошёл по проходу между кресел, затем повернул к лестнице, ведущей на первый этаж.

А Петя большой, шкафобразный мужчина стоял в проходе и чему-то своему открыто по-детски улыбался...

Уходим

Жена с дочерью жили у тёщи в Москаленках. В тот день Наталья после обеда уложила дочь спать, вышла на крыльцо, в этот момент распахнулась калитка, во двор влетел дядя Егор с криком:

– Наталья, Игорь уже в Советском Союзе.

Он победно тряс над головой газету, свёрнутую в трубку, протянул Наталье.

– Читай!

Это была «Правда». С фотографии на первой полосе смотрели в объектив улыбающиеся воины. Они сидели на БТР с автоматами в руках. Явно позировали. Игорь тоже широко улыбался, левый уголок губы характерно опущен.

– Боже, неужели всё! – воскликнула Наталья.

– Всё-всё! – подхватил дядя Егор. – Написано: 15 мая вышли из Афганистана.

Тут же на первой полосе был размещён репортаж «Шестьсот километров на броне». Дядя отыскал нужную строчку, ткнул в неё пальцем:

– Вот!

В газете сообщалось, что 15 мая пересёк границу Советского Союза с Афганистаном 5-й отдельный мотострелковый асадабадский батальон. Так официально именовался кунарский спецназ.

Злые языки позже будут утверждать, что президент США Рональд Рейган в частной беседе высказал Горбачёву «дружеское» пожелание, отдельные отряды спецназа ГРУ, кунарский и джелалабадский, вывести первыми. Горбачёв, натура широкая, не мог не потрафить американскому другу. Дескать, да запросто, дел-то. Дал отмашку. Отряды сдвинулись с мест дислокации, покидая зоны своей ответственности, тем самым развязали руки моджахедам, противостоящим нашим войскам в том районе. Моджахеды не ожидали такого подарка, им всё труднее и труднее было в провинциях Кунар и Нангархар, и вдруг полная свобода действий. По уходу спецназа они начали резню тех, кто стоял за президента Афганистана.

Газета грешила неточностью, Игорь покинет Афганистан тремя днями позже, не 15-го, а 18 мая. За два дня до этого Наталья держала в руках «Правду» с радостной вестью, считая: война для мужа раз и навсегда завершилась. Больше не надо замирать по нескольку раз на дню от мысли: как там Игорь? И вот пришёл конец страхам. Дочь часто спрашивает: «Когда уже папина командировка закончится?» Сегодня можно смело говорить: скоро!

На самом деле Игорю и его товарищам было ещё время погибнуть.

На начало вывода советских войск из Афганистана понаехало журналистов видимо-невидимо. Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачёв, патологически падкий на лесть, горел желанием покрасоваться в газетах всего мира, посему отдал распоряжение пускать в Афганистан целкопёров всех мастей в неограниченном количестве, пусть пишут о нём миротворце.

В Кабуле на БТР, на котором в сторону дома двигался Игорь, напросился корреспондент газеты «Правда». Игорь ехал вместе с Юрием Боровских. Крутой рэкс Боровских, спецназовец по крови, он позже станет командующим бригады спецназа ГРУ, генерал-лейтенантом, а тогда бравый капитан, командир роты. Умный, расчётливый, удачливый воин, а по жизни несправимый балагур. Солдаты любили командира за весёлый нрав, отчаянный характер, смелость и умелость.

Корреспондент, лет сорока мужчина, расспрашивал Боровских о войне, боях с моджахедами, строчил в блокнот ответы капитана. Его интересовало всё, в том числе пёс Шейх, который двигался в Советский Союз на БТР вместе со спецназом.

– О, это легендарный минно-розыскной пёс! – начал рассказ Боровских.

Присутствующие бойцы наострили уши, пряча улыбки. Шейх – шалопаи из шалопаев. Мать его была легендарной минно-розыскной овчаркой по кличке Цея. Сколько раз спасала разведчиков, вынюхивая смертельную опасность на тропах и дорогах. На одной из операций Цея получила контузию, её списали, но в благодарность за верную службу оставили на довольствии в отряде. Она и родила Шейха. Не яблоко получилось яблони, а чертополох. Исключительный нюх Цеи позволял распознавать мины в самых невероятных ситуациях, тогда как с кавалерами оказалась неразборчивой. Даже внешний вид её сына говорил о его никчемности. Правое ухо торчало, как у породистой овчарки, левое болталось, как у последней дворняги. Сапёры в щенках забраковали его для минно-розыскной работы. В насмешку дали имя Шейх и оставили в отряде. Жил на правах любимца-шалопаи, к которому относились: глупый ты, брат, как пробка, да что с тебя взять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.